

ОТ АВТОРОВ
АЛГОРИТМИЧЕСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

**Поезд
полный абсурда**

18+

Мария Громкова

Поезд, полный абсурда

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

2026

Громкова М.

Поезд, полный абсурда / М. Громкова — «Автор», «Автор»,
«Автор», «Автор», «Автор», «Автор», 2026

Это седьмой сборник рассказов от авторов "Алгоритмического сопротивления". На этот раз мы взяли тему "Проводник" и ограничили ее тем, что внутри сюжета отсутствуют героини-женщины. Задача оказалась непростой, но мы справились! Надеемся, что вам понравится читать наши работы не меньше, чем нравилось их писать!

© Громкова М., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ксения Елютина. Абсурдный экспресс: Четыре (ладно, пять) стадий принятия абсурда	6
Элен Корш. Последний рейс	11
Мария Громкова. Проводник до свободы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анна Руднина, Мария Громкова, Любовь Чи, Ксения Елютина, Николай Рябцев, Анна Кениг, Элен Корш Поезд, полный абсурда

Ксения Елютина. Абсурдный экспресс: Четыре (ладно, пять) стадий принятия абсурда

Говорят, дуракам везёт. Не знаю, кто это сказал, но, наверное, он работал в отделе кадров РЖД. Потому что когда меня, Артёма, назначили проводником на экспресс «Мечта» сообщением Столица — Мухосранск, я понял: либо я дурак, либо кому-то очень нужно, чтобы я им стал.

Экспресс «Мечта» — это такой поезд, в котором мечтаешь только об одном: чтобы он доехал. Маршрут проходит через места, которые на картах обозначены как «зона условной реальности». Женщин в поезде нет — по древнему договору с железнодорожными духами им вход воспрещён. Духи считают, что женский смех нарушает вибрации рельс и может вызвать сход состава. Я не спорил. Я вообще старался не спорить с духами, потому что один раз поспорил и потом неделю не мог найти ключи от туалета.

Итак, рейс начался. Впереди было несколько встреч, каждая из которых должна была проверить меня на прочность. Я ещё не знал об этом, но уже чувствовал: что-то пойдёт не так. Хотя бы потому, что в моём вагоне всегда что-то шло не так.

Первым был плацкарт, где обосновалось племя хипстеров.

Их было человек тридцать. Все в шапках, несмотря на духоту. У всех бороды разной степени кустистости, но одинаковой степени самолюбования. Они ехали в Мухосранск, потому что, как объяснил мне один из них — парень по имени Никита с бородой, похожей на вьющееся растение, — «это иронично».

— Что именно? — спросил я.

— Ехать в Мухосранск, — сказал Никита. — Никто туда не хочет, поэтому мы хотим. Это деконструкция туристического желания.

— Чего желания? Хотя. Ясно, — сказал я, хотя ничего мне было не ясно. — Ваши билеты?

С билетами у них всё было в порядке. Проблемы начались, когда я раздавал им постельное бельё. Оказалось, что хипстеры не могут поделить, чей комплект более аутентичен.

— У меня бельё серое, — сказал один. — Как мода на искренность. Серый — это новый чёрный.

— А у меня белое, — возразил другой. — Белое символизирует пустоту смыслов. Это более иронично.

— Твоя борода недостаточно длинна, чтобы говорить о пустоте смыслов! — вскинулся первый.

Они начали спорить. Спор перерос в дебаты. Дебаты — в философский диспут. Через пятнадцать минут плацкарт гудел, как улей, а я стоял с кипой сырого белья и понимал, что если сейчас не вмешаюсь, они начнут обсуждать мои форменные брюки.

— Тихо! — гаркнул я. Все замолчали. — Кто тут главный по бородам?

Хипстеры переглянулись. Потом вперёд вышел самый бородатый — его звали, кажется, Елисей.

— Мы не признаём иерархий, — сказал он. — Но вообще-то я.

— Отлично, — сказал я. — Слушай сюда, как там тебя. Елисей. Бельё серое, потому что его стирали в серой воде. Бельё белое, потому что оно выцвело и вообще у меня белезна закончилась. И то и другое чистое, а это часть художественного замысла. Называется «Круговорот быта в природе». Все всё поняли?

Хипстеры покорно закивали. Елисей посмотрел на меня с уважением.

— Это очень иронично, — признал он.

— Знаю, — сказал я и пошёл дальше.

В купе №6 обнаружился вампир-пенсионер. Выглядел он так, будто его вытащили из склепа, не дав досмотреть последний сон. Худой, бледный, в старомодном плаще с поднятым воротником, несмотря на духоту. На коленях у него лежал термос с надписью «Кровь с малиной».

— Чайку бы, — прошамкал он, увидев меня.

— Чай — в вагоне-ресторане, — сказал я. — Могу принести, но у нас только пакетированный.

— Пакетированный?! — Вампир скривился так, будто я предложил ему чесночную настойку. — В моё время чай заваривали в чайнике. И кровь пили из горла, а не из термоса. Молодёжь...

— Вам чем-то помочь? — спросил я, стараясь сохранять профессиональный тон.

— Ложка пропала, — пожаловался вампир. — Была чайная ложка, положил в карман плаща, а она исчезла. В плаще дыра, что ли?

Он начал шарить по подкладке и извлёк оттуда сперва носовой платок, потом моток чёрной шерсти, потом маленькую летучую мышь, которая зевнула и улетела в коридор, и наконец — ложку.

— А, вот она, — удовлетворённо сказал вампир. — Век бы её не видел, честно говоря.

— Почему? — спросил я.

— Она разговаривает, — мрачно сказал вампир. — И всё время критикует мой выбор чая. Говорит, бергамот — это мещанство.

Я решил не углубляться. В конце концов, у каждого свои проблемы.

В следующем купе ехала делегация ада. Я узнал их сразу: двое в чёрных костюмах, чёрных очках и с чёрными папками. На бейджиках значилось «Вельзевул, отдел контроля» и «Гоша, младший контролёр». Пахло серой и одеколоном «Совещание».

— Артём! — обрадовался Вельзевул. — Ты теперь проводник? А мы тебя помним. Ты доставлял нам душу топ-менеджера. Свежая была душа, но потасканная.

— Было дело, — кивнул я. — Куда теперь едете?

— На конференцию, — вздохнул Гоша. — В Мухосранске проходит межведомственный съезд по демографии грешников. Тема: «Кризис среднего греха: почему молодёжь больше не хочет продавать душу за успех».

— И почему? — спросил я из вежливости.

— Потому что им предлагают успех в кредит, — мрачно сказал Вельзевул. — Мы не выдерживаем конкуренции с банками. Какой смысл продавать душу, если можно взять ипотеку?

Я посочувствовал. Но Вельзевул ещё не закончил. Он поправил очки и строго посмотрел на меня.

— А вот у тебя, Артём, есть лицензия на существование?

— На что? — я моргнул.

— На существование, — терпеливо повторил Гоша. — Документ, подтверждающий твоё право находиться в реальности. Форма Б-666. Заверяется в инстанции.

— Я не знал, что мне нужна такая форма, — честно сказал я.

— Все так говорят, — вздохнул Вельзевул. — А потом мы проводим внеплановую инвентаризацию душ, и выясняется, что половина пассажиров существует нелегально. Пиратски. Как вы спите по ночам?

— Обычно на боку, — сказал я.

Демоны переглянулись.

— Шутник, — констатировал Гоша. — Шутники обычно существуют без лицензии. Будем составлять протокол.

Я понял, что если сейчас не проявлю смекалку, то до конца рейса буду заполнять бюрократические формуляры. Поэтому я сделал то, чему научился за годы работы в сфере обслуживания: прикинулся идиотом с документами.

— У меня есть вот это, — сказал я и протянул им свой пропуск проводника.

Вельзевул взял его двумя пальцами, поднёс к глазам.

— Тут написано «Артём С. Проводник. Годен до...» Дальше размыто.

— Это потому что я ещё не решил, до какого года я годен, — пояснил я. — Я суеверный.

Гоша достал печать и с размаху шлёпнул ею по моему пропуску.

— Мы оформили тебе временное разрешение на существование, — сказал он. — До конца рейса. Дальше — как пойдёт.

— Спасибо, — сказал я. — А теперь ваши билеты.

С билетами у демонов тоже был порядок — они всегда уважали бюрократию. Но вот не задача.

— Печать сломалась, — признался Гоша, показывая мне документ. — Видишь? Тут должно быть заверение кровью девственника, но девственников в нашем отделе больше нет. Последний уволился.

— А чем вы обычно заверяете? — спросил я.

— Кровью.

— А если попробовать не кровью?

Демоны переглянулись. В их практике это был революционный подход.

— У меня есть канцелярская печать «Одобрено», — сказал я. — Обычно я ей заверяю акты о неработающем кондиционере. Но, думаю, для межведомственного съезда сойдёт.

— А это законно? — спросил Гоша.

— Мы в поезде «Мечта», — напомнил я. — Тут всё законно, пока поезд движется.

Я приложил печать. Документ засветился красным, потом успокоился и стал выглядеть так, будто его заверили в высшей инстанции. Вельзевул посмотрел на меня с новым интересом.

— А ты далеко пойдёшь, — сказал он. — Но мы всё равно будем ждать. Вечность — она длинная.

— Заходите в вагон-ресторан, — сказал я. — Там сегодня яичница и откровения.

В вагоне-ресторане я решил передохнуть. За стойкой стоял бармен — мужчина лет пятидесяти с лицом философа, которого выгнали из академии за излишнюю практичность. Звали его дядя Коля.

— Чай, — попросил я.

— Чай — это не просто напиток, — сказал дядя Коля, не двигаясь с места. — Это метафора.

— Коля, у меня смена, — сказал я. — Давай без метафор.

— Вся жизнь — метафора, — сказал Коля, наливая чай. — Вот смотри. Ты — проводник. Ты ведёшь вагон. Но кто ведёт тебя? Риторический вопрос. Яичницу будешь?

— Буду.

Он поставил передо мной яичницу. Готовил Коля отвратительно, но философствовал ещё хуже, поэтому я предпочитал есть и не слушать. Но сегодня он был в ударе.

— Этот поезд, — сказал он, протирая стакан, — это метафора мужского эскапизма. Мы все едем в Мухосранск, потому что бежим от чего-то. Ты — от ответственности. Хипстеры — от смысла. Демоны — от конкуренции. Вампир в шестом купе — от пенсионной реформы.

— А ты? — спросил я с набитым ртом.

— А я — от бывшей, — просто сказал Коля. — Она работала шеф-поваром. Я не мог больше слышать критику моей яичницы. Поэтому устроился в поезд, где женщин нет.

— И как?

— Яичница всё равно получается плохая, — вздохнул Коля. — Но теперь меня хотя бы некому ругать.

В этот момент поезд тряхнуло, и стакан, который он протирал, треснул. Коля посмотрел на трещину и кивнул каким-то своим мыслям.

— Видишь? Даже стаканы не выдерживают моих разговоров.

Я доел яичницу, запил чаем и двинулся дальше. И тут я наткнулся на купе №13.

По документам его не существовало. По планировке вагона — тоже. После двенадцатого купе шёл туалет, а потом стена. Но сегодня за туалетом обнаружилась дверь с номером 13, и из-под неё шёл свет — не обычный вагонный, а какой-то тёплый, золотистый, будто там внутри спал кто-то очень важный.

Я постучал. Никто не ответил. Я открыл дверь.

В купе на полке лежал человек и спал. Выглядел он обычно: мужчина лет сорока, в мятом пиджаке, с лицом человека, который заснул на совещании и видит во сне, как он увольняется. Но вокруг него плавало золотистое свечение, а из головы тянулись тонкие нити света, уходящие в стены вагона.

Я присмотрелся. Нити пульсировали в ритме, который точно совпадал с перестуком колёс. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

И тут до меня дошло. Поезд шёл по рельсам, потому что этот человек видел сон, в котором он — поезд. Если его разбудить, поезд исчезнет. Если дать ему спать дальше — мы доедем. Но если он перевернётся на другой бок...

Я аккуратно поправил ему подушку. Поезд мягко качнулся и выровнялся.

— Спи, — прошептал я. — До Мухосранска ещё три часа. Я постучу, когда приедем.

И тихо прикрыл дверь.

Оставался последний вагон — СВ. В документах значилось, что место в последнем купе занято. Пассажир — мужчина, билет оплачен, данные указаны. Имя: Артём С.

Моё имя.

Я открыл дверь и увидел его. Он сидел на полке и смотрел в окно. Выглядел как я, но немного иначе — чище, спокойнее, будто его версия меня никогда не работала проводником и спала по ночам.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — сказал я. — Ты — это я?

— Ну, не совсем. Я — это ты из параллельной реальности. Той, где ты не проводник, а счастливый пассажир. У меня билет до Мухосранска. А у тебя — смена.

— И что ты здесь делаешь?

— Меняюсь с тобой, — сказал он. — На одну остановку. Ты устал, я вижу. Посиди, отдохни. А я похожу с флажком.

Это звучало как предложение, от которого нельзя отказаться. Я сел на его место, а он взял мой флажок и вышел в коридор. Я смотрел в окно и ни о чём не думал. Это было прекрасно.

Через пятнадцать минут он вернулся.

— Там хипстеры опять спорят о бородах, — доложил он. — Я сказал им, что борода — это патриархальный конструкт, и они теперь пытаются друг друга побрить. Вампир нашёл

ложку, но она поссорилась с термосом. Демоны просят ещё одну печать. Бармен Коля говорит, что ты не доел яичницу, и это его ранило. А в туалете кто-то забыл треуголку.

— Пираты? — спросил я. — Пираты всегда забывают треуголки. Хотя я не помню, чтобы они садились.

— В этом поезде никогда ничего не помнишь до конца, — философски заметил мой двойник. — Ну что, отдохнул?

— Вполне, — сказал я и встал. Он вернул мне флажок, я вернул ему полку.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что, — ответил он. — Увидимся на следующем рейсе.

Я вышел из купе и закрыл дверь. Из-за двери не доносилось ни звука. Возможно, он просто исчез. А возможно, сидит там до сих пор и смотрит в окно. В любом случае, это была лучшая остановка в моей жизни.

В Мухосранск мы прибыли на рассвете. Поезд остановился, шипя и вздыхая, как уставший зверь. Я вышел на перрон и вдохнул утренний воздух. Пахло полыньё, шпалами и свободой.

Хипстеры высыпали на платформу и тут же начали фотографировать станцию — она была достаточно обшарпанной, чтобы считаться ироничной. Демоны чинно прошествовали к выходу, обсуждая повестку конференции. Вампир, шаркая, удалился в сторону вокзального буфета, прижимая к груди термос и бормоча что-то про бергамот.

Дядя Коля высунулся из окна вагона-ресторана и крикнул мне:

— Артём! Я понял! Поезд — это не метафора! Это просто поезд!

— Молодец, Коля! — крикнул я в ответ. — Это прорыв!

А потом я посмотрел на пустой перрон и понял: вот он, идеальный мужской мир. Никто никого не пилит. Никто не спрашивает, почему ты не позвонил. Никто не говорит, что ты неправильно держишь флажок. Только тишина, пиво и полное отсутствие обязательств.

И тут из динамика раздался голос диспетчера:

— Артём, готовь вагон к обратному рейсу. В Мухосранске сели пассажиры. Экскурсионная группа. Бабушки. Тридцать восемь человек. Все с пирожками и вопросами «а почему вы не женаты?».

Я закрыл глаза и досчитал до десяти.

Ничего. Мужской рай закончился. Зато началось то, ради чего я вообще работаю проводником: абсолютный, кромешный, великолепный абсурд.

Я поправил фуражку и пошёл открывать двери.

Элен Корш. Последний рейс

Михаил Константинович поправил белую, форменную рубашку и пошевелив усами, решительно вышел на перрон. На первом пути стояли серые, новенькие вагоны, а где-то вдали, пыхтел тепловоз. Солидный мужчина глубоко вдохнул смолянистый вокзальный воздух и посмотрел по сторонам.

Летнее, раннее утро еще веяло прохладой. Со всех сторон доносился щебет небольших птичек, а возле урны, кружилась любопытная ворона. Она гордо вышагивала, с опаской поглядывая на строгого проводника. Но вот, на суровом лице проскользнула улыбка и воспоминания яркой искрой кольнули душу.

- Ну что Михаил Константинович, готовы к последнему рейсу?

Молодой парнишка хлопнул коллегу по плечу и с улыбкой зашел в новенький вагон, ярко поблескивающий на солнце. А в глазах мужчины проскочила грусть. Да, это действительно его последний рейс. Опустив глаза, он посмотрел на свои истоптанные туфли, и словно издалека, услышал гудок старого паровоза. По телу пробежали мурашки, а подбородок предательски затрясся. Он зажмурил глаза, пытаясь справиться со своими эмоциями и вдруг, увидел себя еще совсем мальчишкой.

Кажется, это было недавно, а может наоборот, очень давно! Вагоны тогда были зеленые, а паровозы гудели куда громче. На боку вагона красовалась табличка Саратов-Краснодар. Он помнил, как тряслись руки в его первый день, с каким трепетом он поднимался по ступеням вагона. На нем были синие форменные брюки и темно-серая рубашка, а на ногах, огнем горели новые, лакированные туфли. Ему с трудом удавалось скрыть от пассажиров свой страх, но он очень старался! Закрываясь в своем купе, он какое-то время просто стоял с закрытыми глазами и дышал. Просто дышал, отсчитывая минуты до конца его первого рейса. Тогда, у него был общий вагон, куда людей обычно забивалось больше чем положено. Кто-то, в желании прилечь, умудрялся забраться на багажную полку, а кто-то стоял всю дорогу, так и не найдя себе место. В тот день, точнее уже ночь, когда все звуки в вагоне стихли, и люди погрузились в легкую дрему, он не мог уснуть. Он сидел у себя, бездумно глядя в окно, за которым лишь просматривались яркие фонари. Усталость давила на него и сложив руки на столике, он опустил на них голову, чтобы хоть немного расслабиться.

Вагон плавно покачивался, издавая привычные звуки. Тук-тук, тук-тук, тук-тук, перешагивали колеса соединения рельс. И здесь, в этот момент, впервые за день, на его лице появилась улыбка. Чем она была вызвана? Радостью прошедшего дня, отсутствием проблем или просто усталостью? Это было уже не важно, расслабленное тело покачивалось в такт вагону, а глаза медленно слипались в ожидании сна. Но вдруг, как обеспокоенный пес, он поднял голову и посмотрел на дверь своего купе. Что-то было не так! Быстро встав на ноги, он открыл дверь и до него донесся тоненький звук детского плача.

Ребенок? Но где он? Михаил решительно пошел по проходу, тщательно всматриваясь в темный вагон. Везде были люди, было очень много людей! На каждой полке, по четыре, а то и по шесть человек! Где ты малыш, что с тобой случилось, может ты потерялся, может испугался чего? Мысли бешено носились в его голове, а глаза, как у ястреба вонзались в темноту.

- Да уйми ты его!

Послышалось недовольное ворчание и плачь стал отчетливее.

- Что здесь происходит? – непривычно для самого себя, строго, спросил Михаил.

Ворчливый мужчина поежился и отвернувшись к окну, закрыл глаза. На соседней полке, сидели двое мальчишек, два брата. Малыш ютился на коленях у старшего, жалобно плача, от того, что ему не удобно, а старший, виновато смотрел на окружающий. Недолго по думая, Михаил взял малыша на руки и кивнув парнишке, пошел обратно в свое купе.

Ночь, тихая, спокойная, его первая ночь в качестве проводника. Он стоял в тамбуре, глядя, как за окном мелькают горящие фонари, и улыбался. В вагоне все тихо спали, а на горизонте, начинал зарождаться ранний рассвет. В его купе, на его полке, мирно спали двое братьев, которых родители отправили на каникулы в деревню, в бабушке. И хотя усталость тяжело давила на его плечи, но он был доволен собой.

Глаза защищало от слез, и мужчина закрыл их рукой. Он никогда не забудет свой первый рейс. Тогда, эти мальчишки, помогли ему преодолеть себя, свой страх. Но, были и другие случаи, которые он будет вспоминать, сидя на веранде, на даче, любуясь цветущим садом.

Он много раз вызывал скорую, срывал стоп-кран, перевязывал раны, разнимал драки, ссаживал с поезда, даже роды принимал, но именно этих мальчишек, он не забудет никогда!

На перроне начал собираться народ, и сурово взяв себя в руки, мужчина решительно вздохнул и зашел в свой вагон. Это был вагон повышенной комфортности, пассажиров намного меньше чем двадцать лет назад, да и вагоны уже так не стучат. Со временем, ход поезда стал намного тише, и даже постукивания колес практически не слышно, отчего, на его взгляд, терялась некая романтика поездов.

Вскоре, вагон заполнился, и проверив все билеты, он властно прошелся по проходу, автоматически запоминая своих пассажиров. Вокруг стоял легкий гул от взволнованных разговоров, и запахи быстрой еды.

Грустный взгляд скользнул по проходу с красной ковровой дорожкой, а в груди что-то больно кольнуло. Дыхание дрогнуло, и он схватился за сердце, прислонившись к окну.

- Дедушка, вам плохо?

Из купе выглянула маленькая девочка с большими синими глазами и испуганно на него посмотрела. Ее белокурые волосы были заплетены в кривые косички, старомодными, капроновыми синими лентами. Он ухмыльнулся и отрицательно покачал головой.

- Нет милая, все хорошо!

Наступила ночь и вагон погрузился в тишину. Михаил сидел в своем купе, как когда-то давно, глядя в окно, рассматривая мелькающие фонари. Он чувствовал усталость, но не хотел спать. Он хотел, как следует запомнить свой последний рейс. Такой обычный, такой тихий и такой неприметный.

Сложив руки на столе, он опустил на них голову и расслабленно закрыл глаза. Вдруг, как старый пес, он посмотрел на дверь и прислушался. Откуда-то доносился тихий плач. Как сейчас сказала бы его жена, «дежавю».

Решительно выйдя из купе, он пошел на звук. Кто ты, где ты, что с тобой произошло? Мысли снова бешено крутились в его голове. Пройдя сквозь весь вагон, он открыл двери и застыл на месте. В темном, прохладном тамбуре, в самом углу, сидел маленький, рыжий щенок. Сердце мужчины сжалось, когда он посмотрел в эти большие, влажные от слез, детские глаза. Откуда ты здесь? Кто тебя принес? Бросил или забыл? На шее малыша была повязана красная ленточка. Подойдя ближе, он осторожно присел на корточки, глядя, как испуганное создание еще сильнее вжимается в угол.

- Горюшко ты горюшко!

Покачав головой, он взял щенка своими большими руками и понес к себе.

За окном начинал пробиваться ранний рассвет, а Михаил Константинович, с улыбкой смотрел на маленький, рыжий комочек, мирно спящий на его белой подушке.

- Доброе утро! А это у вас что за безбилетник? – спросил молодой парнишка, заглянув к коллеге в купе.

- А это мой найденыш. – тепло отозвался мужчина и усы приподнялись в улыбке. – Точно, я назову тебя Найда! Ох Томка дома обрадуется!

- Красивая кличка, только, как вы ее от начальника поезда прятать будете? До дома еще почти сутки, а скоро обход!

- А может что-то придумаем? А?

Михаил Константинович хитро посмотрел на парнишку и тот ухмыльнувшись, покачал головой. Щенок приоткрыл один глаз и лениво махнув хвостом, снова уснул. Следующие сутки, ему предстояли очень активные, он путешествовал из вагона в вагон, его передавали из рук в руки, пока он снова не оказался в больших и уже родных руках своего хозяина.

Вот и подошел к концу последний рейс. Все проводники собрались у шестого вагона, и подняв в верх красные флажки, смотрели, как Михаил Константинович гордо спускается по ступеням, держа в руках рыжего щенка. На его лице красовалась улыбка, а подбородок предательски потряхивал.

А в сторонке, стоял совсем молодой пацан, в темно-синих форменных брюках, белой рубашке и в лакированных, до блеска туфлях. В его глазах читался страх, а руки дрожали, но это, уже другая история.

Мария Громкова. Проводник до свободы

В зале ожидания аэровокзала небольшого провинциального города сидели двое мужчин. Один из которых был намерен вернуться в Москву и продолжить строить едва удовлетворявший его амбиции бизнес. На самом деле он стремился к большему, даже толком не понимая, какое оно – это большее. Тяга к самопознанию и поиску родного ДОМА мучила его уже давно.

Не найдя лучшего применения случайно образовавшемуся свободному времени, Ит, именно так звали бизнесмена, направил свою «тушку» в забегаловку с гордым названием «Ресторан». Вывеска, как и обслуживание, и даже меню, остались еще с советских времен. Тот факт, что прошло больше четверти века с момента падения империи, а ничего не изменилось, обескураживал. Впрочем, на самом деле, именно он и послужил основной причиной визита.

За круглым столиком на высокой ножке стоял восточного вида мужчина, пивший чай из граненого стакана, закусывая его жирным холодным беляшом. Свободных мест было много, но бизнесмену отчего-то ужасно захотелось присоединиться к компании забавного человека, вытиравшего сальные руки о дутые серо-зеленые брюки вместо того, чтобы воспользоваться салфеткой. В этом действии было дикое несоответствие, пока еще не до конца понятное Иту. Лишь подойдя ближе, он понял, что несмотря на откровенно маргинальную особенность поведения, человек этот выглядел более, чем опрятно, словно вся грязь самоудалялась с одежды. Лицо незнакомца казалось настолько одухотворенным и хитрым одновременно, что отказать себе в удовольствии с ним пообщаться столичный бизнесмен был не в силах.

- Вы позволите? – поинтересовался Ит, ставя маленький поднос со стаканом детсадовского какао и пирожным «Корзиночка» на край стола.

- Прошу! – ответил загадочный человек, указывая рукой на наличие свободного пространства. – Зен, – представился он, протягивая руку подошедшему мужчине.

- Ит, – коротко рапортовал бизнесмен, ответив пожатием.

- Необычно, – собеседник почмокал губами, словно пробовал имя на вкус.

- Согласен, на самом деле меня зовут Игнатом, но друзья решили, что я очень похож на американского актера, а потому стали называть меня Итаном, позже сократив до Ита. Впрочем, – посмотрел на собеседника мужчина, – Ваше имя тоже едва ли можно назвать типичным для средней полосы.

- Ваша история еще более интересна тем, что моя приблизительно похожа на нее. Мои знакомые решили, что я похож на мастера боевых искусств из старого боевика, потому и дали мне это прозвище, ставшее со временем именем.

- Да, забавно... А Вам не кажется странным то, что два взрослых человека застряли в подростковых эпизодах своей жизни?

Мужчины потратили некоторое время на обсуждение необъяснимых с точки зрения логики причин отказа от взросления в общепринятом смысле. Каким-то непостижимым образом их разговор перешел на тему вспоминания прошлых инкарнаций. В конце концов, собеседники дошли до момента, волнующего любого искателя основ – где находится настоящий дом человеческой души. Весьма искушенным в большинстве вопросов, касающихся традиций православия в частности и христианства в целом Игнат, делился своим мнением свободно и с жаром. Его исследования говорили его же устами о необходимости искупления грехов для возвращения туда, откуда дух был сослан на Землю. Его визави был значительно более сдержан, что говорило о большей осведомленности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.